Строптивая девственница

Автор:
Стелла Эмеральд

Строптивая девственница

Стелла Эмеральд

У меня были планы на жизнь: учеба в престижном ВУЗе, карьера, любящий муж и дети со временем, конечно… Но все рухнуло в тот момент, когда умер мой папа. Правда, перед этим я два года подряд еще проваливала экзамены в институт. Но работала, не покладая рук, собирая деньги на коммерческий курс. А со смертью папы в наш дом пришли серьезные проблемы. Еще и мама тяжело заболела. А виноват во всем был ОН – тот, кто потребовал, чтобы я за все с ним расплатилась. И отныне я обречена жить и спать с ненавистным мне человеком, а иначе он обещал пустить по миру мою семью.

Стелла Эмеральд

Строптивая девственница

Глава 1

– Держи конфетку, царевна Несмеяна, – неслышно приблизился ко мне Коля-кладовщик, протягивая шоколадный батончик.

– Спасибо, Коль, не хочу, – отвернулась я.

Меня, и вправду, замутило даже от вида батончика. Вот и контейнер с салатом, что прихватила из дома, так и не смогла открыть. Аппетита не было совсем. А полчаса, отведенные на обед, уже истекали.

– Люсь, ну так нельзя. Скоро от тебя кожа да кости останутся, – присел Коля рядом со мой на скамейку и заглянул в глаза. – Любые трудности временные, а потом в жизни обязательно наступит светлая полоса.

– У меня вряд ли… – качнула я головой.

Все началось не так давно. А точнее, стало разваливаться на глазах.

Сначала от инфаркта умер мой горячо любимый папа. Само по себе это горе явилось для меня настолько неожиданным и сильным, что в какой-то момент мне показалось, что уйду вслед за папой. Только через неделю после похорон я смогла более-менее нормально заснуть и не проснуться от кошмара. И наверное, потом, с каждым днем мне становилось бы все легче, если бы внезапно не заболела мама.

Она всегда была такой энергичной и сильной, что порой я даже завидовала ей. А папа ее так и называл любя «мой энерджайзер». Но с его смертью кто-то словно отключил мамину батарейку. Появилась вялость и апатия ко всему. Целыми днями мама могла просиживать в тишине, забывая даже включить свет, когда темнело. Почти всегда я ее такой и заставала, возвращаясь с работы домой. А вчера нашла ее без сознания и в первый момент подумала, что и она умерла, что и она меня бросила.

Оказалось, что обморок был вызван гипертоническим кризом. Врач скорой смог откачать маму еще дома, но настоял на госпитализации. Сказал, что на этот раз мы обошлись испугом, но с давлением шутить нельзя, и стоит подлечиться. По пути в больницу мама поведала мне, что днем приходили какие-то люди и сообщили о долге отца. Сумма была крупная, и задолжал ее отец не банку, а какому-то крупному бизнесмену.

– Мам, ну как же так! А это не ошибка?..

– Да нет, доченька, они мне и документы показали, где папина роспись, – снова заплакала мама, и я себя мысленно отругала, что завела с ней этот разговор в машине скорой помощи. Ей и так плохо, а тут еще и я.

– И сколько? – все же не сдержалась я и уточнила.

От названной суммы у меня не только округлились глаза, но и голова закружилась. Сумма показалась мне космической. И где мы возьмем столько денег? Если даже продадим квартиру, наскребем не больше половины. А срока нам дали неделю. За это время мы и квартиру можем не продать, а спустить по дешевке. А значит, и половины не наберем.

Тем же вечером я нашла долговую расписку отца и самолично удостоверилась, что ошибки не было. Подпись, действительно, стояла его. А взял в долг он у некоего Волошина Станислава Викторовича. Имя ни о чем мне не сказало, а вот логотип компании на фирменном бланке я рассмотрела повнимательнее и на всякий случай запомнила. Торгстром… Название это я тоже раньше не встречала, но строительным бизнесом, которым занимался мой отец и этот Волошин, судя по всему, тоже, не интересовалась. Бизнес отца не считался крупным, но доход приносил стабильный. Правда, как выяснилось, не так давно папа объявил фирму банкротом. О том, что бизнес его разорился, мы тоже с мамой узнали уже после его смерти. Видно, деньги в долг он и брал на его развитие. Успел использовать их или нет, мы уже никогда не узнаем. Сейчас у нас с мамой не было ни папы, ни денег. И как-то резко сама жизнь для меня потеряла смысл.

– Люсь, ну расскажи, что у тебя стряслось? – не отставал от меня Коля.

Вообще, с ним мы как-то сразу сдружились. Как только устроилась кассиром в этот супермаркет, Коля меня сразу взял под свою опеку. Именно опеку, чуть ли не отеческую, хоть и старше меня был всего лет на десять. Да и вообще, коллектив тут был отличный, и ко многим я привязалась за почти два года работы. Только вот, правильно говорят, что счастливы все одинаково, а несчастны каждый по-своему. Ничьи утешения или советы мне сейчас не в состоянии были помочь, и придумать, как выкручиваться из всего, что на нас свалилось в последнее время, могла только я одна.

– Коль, все нормально, – посмотрела я на кладовщика и даже получилось выдавить из себя улыбку. – И мне уже пора на кассу, – взглянула на часы, встала и потянулась.

В животе ныло, но про еду все равно не думалось. Не хватало мне еще заработать гастрит на нервной почве, – мелькнула мысль.

– Так и не поела… – понеслось мне в спину. – А конфетку возьми! – догнал меня Коля и сунул в карман форменного халатика батончик. – Съешь, не отходя от кассы, так сказать, – зычно рассмеялся своей же не самой смешной шутке.

* * *

– Вик, а у тебя есть время? – повернулась я к девчонке, с которой работала в одну смену на соседних кассах.

Обычно мы вместе выходили из магазина, добредали до остановки, а потом каждая на своем автобусе разъезжались по домам. Иногда, но довольно редко, задерживались после работы, чтобы посидеть в каком-нибудь кафе. Обычно делали это перед двумя выходными, но не чаще раза в месяц. Вике, как и мне, очень нужна была зарплата. Я откладывала каждый свободный рубль на учебу, а она помогала родителям учить младшего брата. В душе я считала это несправедливым, но молчала в тряпочку – каждый ведь в праве сам распоряжаться не только своими деньгами, но и жизнью, чужие советы точно в этом деле не нужны. Просто, насколько я знала, Вика работать пошла сразу после школы и уже четыре года гнула спину на кассе нашего супермаркета. И в отличие от меня она даже не мечтала поступить в институт. Ну а я собиралась будущим летом пробовать это сделать в третий раз. Два первых раза я не добрала баллов.

– А что? – отозвалась Вика и широко зевнула.

Отлично ее понимала! Мне до работы приходилось добираться час, а еще и с двумя пересадками. А она жила еще дальше. И смена наша начиналась в девять, во сколько и открывался магазин. Не трудно догадаться, во сколько нам приходилось вставать. Хорошо хоть работали мы два через два, в выходные я с чистой совестью позволяла себе высыпаться. Правда, все это осталось в

прошлой жизни, в этой недосып и бессонница стали моими вечными спутниками.

– Да хотела тебе предложить прокатиться в одно место.

– В какое?

Я назвала адрес, который выучила наизусть.

– А что там?

– Сама не знаю пока еще.

– Как это? – удивленно посмотрела на меня Вика.

– Ну так, – пожала я плечами. – Считай, что я зову тебя на прогулку. Погода-то замечательная!

И это было правдой – середина октября выдалась очень теплой. Солнце не только светило, но даже немного припекало, и пахло летом. Обычно в это время в нашей полосе уже гораздо холоднее, а в этом году бабье лето явно затянулось.

– А поехали! – согласилась Вика. – Ой, бежим! – посмотрела она в сторону остановки и рванула вперед быстрее ветра. – Этот автобус как раз идет в центр, – прокричала, не оборачиваясь.

Мы успели заскочить в автобус, и даже оказались свободные места. Впрочем, ехать нам было недалеко – три остановки. И уже скоро мы с Викой вышли в историческом центре нашего города, где старинные дома-памятники архитектуры непринужденно соседствовали с современными высотками, и все вместе, как ни странно, это смотрелось очень гармонично.

– Какой, говоришь, номер дома? – повертела головой Вика.

На нужную улицу мы уже вышли.

– Девятнадцатый.

– Ого! – присвистнула она. – Так это же бизнес-центр. Ты уверена, что нам туда? – указывала она на офисную высотку сплошь из стекла.

– Не то что бы… Но адрес именно такой, – пробормотала я.

Собственная затея нравилась мне все меньше.

– Ну, потопали, тогда, – решительно заявила Вика и двинулась в нужном направлении.

Я поплелась за ней, чувствуя себя овцой, какую ведут на заклание.

Глава 2

– Так и будем тут стоять? – не выдержала Вика, в то время как я продолжала разглядывать огромную вертушку со стеклянными дверьми, ведущую внутрь просторного холла офисной высотки. – Зачем-то же мы сюда приперлись, – усмехнулась она.

Мне же почему-то было страшно. Казалось, что как только я переступлю порог этого здания, так сразу же жизнь моя изменится к худшему. И мысль эта буквально парализовывала, лишая воли.

– Люсь… – потормошила меня Вика.

– Да, пошли, – очнулась я от оцепенения и шагнула к двери, но сразу же снова замерла.

– Люсь, рабочий день заканчивается, народ валит по домам. Мы вообще что тут делаем? – снова заговорила Вика.

– Тут… я и сама толком не знаю… Мне нужно кое-что выяснить, – промямлила я, понимая, что веду себя как трусиха.

– Ну так и пошли выяснять, – взяла меня Вика за руку и затянула в вертушку.

Поток выходящих из здания, действительно, был нешуточный, а вошли только мы с Викой. Зато и огромный холл не пустовал, и я смогла себя заставить подойти к охраннику.

– Скажите, а фирма Торгстром тут находится? – обратилась я к мужчине, что-то изучающему в своем телефоне.

Я и сама поняла, что голос мой потонул во всеобщем гуле. Охранник же посмотрел на меня с раздражением.

– Девушки, что вам?

Впрочем, сразу же на губах его заиграла улыбка, как отражение улыбки Вики. Меня же моя мимика отказывалась слушаться. Вот Вика и взяла все в свои руки.

– Нам нужна фирма Торгстром, – звонко проговорила она.

– В каком смысле нужна? – уже гораздо вежливее уточнил охранник. Он даже облокотился на стойку и подался к нам. И улыбка его стала еще шире. – Вы по какому вопросу, красавицы, и к кому?

Вика посмотрела на меня вопросительно, мол, продолжай уже, хватит таращить глаза.

– Нам нужен Волошин Станислав Викторович, – выдавила я из себя. – Он ведь работает в фирме Торгстром?

На меня охранник посмотрел уже с меньшей охотой. А потом приосанился и сказал:

– Компания Торгстром занимает весь одиннадцатый этаж здания. А господин Волошин – генеральный директор и главный акционер Торгстрома.

– Ого! – тут же отреагировала Вика. – Люсь, тебе к нему, что ли, нужно? – быстро шепнула она мне на ухо.

– Угу, – кивнула я.

А нужно ли? И что я собираюсь ему сказать? Слезно просить об отсрочке долга? Чтобы дал нам с мамой больше времени? Но зачем, если мы и за год не соберем такую сумму?

Или я просто хочу посмотреть в глаза человеку, который посылает своих амбалов в дом недавно почившего, устраивает танцы на костях так называемые?

– …Пропуск, – ухватила я часть фразы охранника. Говорил он с Викой и снова ласково ей улыбался.

– Какой пропуск? И как его получить? – щебетала Вика в ответ.

На что охранник ей поведал, что на прием к Волошину мы должны были записаться заранее. Потом он, найдя мое имя в списке, выписал бы мне пропуск… Но ничего этого у меня не было. Я и сама только вчера узнала про этого Волошина. И решение отправиться к нему в офис созрело пару часов назад.

– А он на месте? – поинтересовалась я.

Решительность потихоньку возвращалась ко мне. А чего я, собственно, тушуюсь? Кому я могу сделать хуже своим визитом сюда? Уж точно не нам с мамой.

– Станислав Викторович еще не выходил, – сообщил охранник.

– Ну так позвоните ему, – кивнула я на телефон.

– Зачем? – взлетели брови охранника.

К слову, он опять не улыбался.

– Скажите, что его хочет видеть дочь Карасева.

Что-то мне подсказывало, что услышав мою фамилию, этот Волошин не откажется со мной пообщаться. Все так и произошло. Охранник с неохотой связался с ним по внутреннему каналу связи, повторил мои слова, выслушал ответ и положил трубку.

– Паспорт с собой? – обратился ко мне.

Я молча достала из сумки паспорт, радуясь привычке таскать его с собой. Мне же вместо паспорта вручили пропуск.

– Одиннадцатый этаж, офис тридцать пять. Лифт направо по коридору…

– Стоять! – гаркнула Вика и развернула меня к себе лицом. – Слушай, ты такая бледная, будто на казнь идешь, – скептически рассматривала она меня. Спасибо, хоть говорила шепотом, а то локаторы охранника точно были повернуты в нашу сторону. Какой-то не в меру любопытный оказался. – Вот так лучше, – вдруг как ущипнула меня Вика сразу за обе щеки.

– С ума сошла?! – прижала я ладони к горящим щекам. – Больно же!

– Зато к Волошину этому заявишься не как приведение, а румяной девицей-красавицей, – улыбнулась Вика и перекинула мою косу через плечо.

Свои длинные и густые волосы я почти всегда сплетала в нетугую косу. Самой мне такая прическа нравилась больше всего, хоть многие и говорили, что мне лучше с распущенными волосами. Но ведь не удобно, особенно прятать их под специальный чепчик. А без чепчика на кассе нельзя было работать.

– Да у меня все лицо горит и щиплет теперь, – проворчала я.

Как ни странно, но именно то, что Вика ущипнула меня, прогнало из души волнение. Каков бы ни был этот Волошин, унижаться перед ним не собираюсь!

– Пока доедешь до одиннадцатого этажа, пройдет, – подтолкнула меня Вика к вертушке. – Иди, а я тебя здесь ждать буду, – на этих словах она подарила кокетливый взгляд охраннику. Спелись голубки, да как быстро, – мелькнула в моей голове ироничная мысль, тогда как сама я уже направлялась к лифту.

С одной стороны мне хотелось, чтобы лифт как можно дольше вез меня на одиннадцатый этаж, с другой – он на самом деле еле полз и скрипел как таратайка. Даже странно, что в таком современном здании такой примитивный лифт. Ну да ладно, на нужный этаж он меня доставил без ущерба для здоровья. Щеки мои теперь довольно деликатно пылали, и оставалось надеяться, что на них не горит два алых пятна, а появился загадочный румянец. Ну и сумерки, что уже опускались на город и постепенно заволакивали коридор, должны сыграть мне на руку.

Нужный офис находился в конце левого крыла коридора, и шла я к нему ну очень медленно. Перед дверью замерла в нерешительности, но тут же поторопила себя. Если и дальше буду тянуть резину, то Волошин не станет со мной разговаривать.

Дверь вела в приемную, как выяснила я, едва переступив порог. И встретила меня блондинка модельной внешности. Впрочем, улыбнулась она вполне себе приветливо, как и поинтересовалась:

– Вы Карасева?

– Я… да.

– Проходите, – указала она на дверь, – Станислав Викторович ожидает вас.

Ну еще бы он не ожидал! Поди думает, что я ему принесла должок. А вот и нет!..

Мысли моментально вылетели из головы, а слова приветствия застряли в горле, стоило мне только встретиться с почти черными и еще более непроницаемыми глазами.

Волошин показался мне настолько красивым и мужественным, какими, как я полагала, вообще не бывают мужчины. Высокий, атлетически сложенный, смуглый, в стильном и явно дорогом костюме он сидел за столом и не мигая смотрел на меня. И еще больше, чем красивым, он казался мне опасным.

Глава 3

– Так и будешь топтаться возле двери?

Как в замедленном кадре я наблюдала за Волошиным. И взгляд мой сейчас был прикован к его губам. Полные, чувственные, рельефные… Но как же портила их ехидная усмешка. И что со мной творится? Почему я словно приросла к месту, онемела и отупела одновременно?

– Не буду, – выдавила я из себя и сделала шаг в его сторону. На большее меня не хватило, а усмешка Волошина стала еще более ехидной.

– Умница! А теперь еще шажок и еще…

Да он издевается надо мной! На душе от этого становилось еще поганее. А его, такого красивого и холеного, я ненавидела все сильнее. Моя ненависть разрасталась в геометрической прогрессии. Пора было брать себя в руки, ведь не за этим я сюда пришла.

– Вы же знаете, кто я? – преодолела я еще часть расстояния между нами.

– Догадываюсь, – склонил Волошин голову набок и теперь внимательно осматривал меня. Взгляд его казался материальным, я буквально чувствовала его на себе. Но хоть усмешка сползла с губ, и на том спасибо!

– И догадываетесь, зачем я здесь? – приблизилась я к стулу и опустилась на него без приглашения. Выбрала самый ближний к себе и самый дальний от него. Едва сдержала вздох облегчения, до такой степени приятно стало в ногах, которые до этого буквально отказывались меня держать.

– Ну допустим, – полуприкрыл он веки и откинулся на спинку офисного кресла.

Теперь он почти не смотрел на меня, делая вид, что дремлет. Что это – особый вид издевки? Мол, мне на тебя плевать, и ты вообще никто, но так и быть, я готов тебя выслушать. – Дальше что? – открыл он глаза и уставился на меня.

Сама виновата – молчание затянулось, а говорить была моя очередь. Но как назло, слова в голову не шли – надо мной властвовало все то же отупение.

– Я…

– Что? Зачем-то же ты пришла сюда. Хочу услышать это от тебя. Может, водички?..

Волошин потянулся и встал. С грацией хищника прошелся по кабинету. Постоял несколько секунд у окна и снова повернулся в мою сторону.

– Как тебя зовут? – прозвучал в тишине кабинета его равнодушный голос.

– Людмила, – ответила я, чувствуя, как вибрирует где-то в горле мой голос.

Черт возьми! Да почему же у меня никак не получается справиться с собственным волнением?! Ну не убьет же он меня.

– Людмила, я чертовски устал и хочу домой, – вздохнул Волошин. – А ты отнимаешь мое время, которое довольно дорого стоит. Мне выставить тебе счет?

Со своего места я не видела его лица, но по голосу слышала, что он снова усмехается. Надсмехается надо мной. Но как ни крути, я тут в роли просительницы, а значит, придется потерпеть.

– Мой отец… – голос сорвался, и я замолчала. К глазам подступили слезы, как случалось всегда, стоило подумать об отце. Но слезы я прогнала, а себя постаралась взять в руки. – …Задолжал вам большую сумму, – заставила себя продолжить, стараясь говорить спокойно.

– И? – поторопил меня Волошин, когда я снова сделала паузу.

– У нас нет таких денег. Не могли бы вы нам с мамой дать больше времени?

– Сколько? Месяц? Год?.. – приблизился ко мне Волошин. Теперь я его и вовсе не видела, да и не смотрела на него. Чувствовала только, как нависает он надо мной словно скала. – Сколько тебе нужно времени, Людмила?

– Не знаю, но недели точно мало! – едва удержалась я, чтобы не заломить руки.

– А года хватит? За год ты найдешь эти деньги?

– Думаю, да, – не очень уверенно отозвалась я.

– С процентами?

– Какими еще процентами? – встрепенулась я и вскинула голову. Но лицо Волошина по-прежнему прятали от меня сумерки.

– Ты невнимательно читала долговую расписку, там про это все сказано. За год процентов набежит столько, что сумма удвоится.

– Но… Что же нам делать?

– Ты у меня спрашиваешь?

– А у кого мне еще спрашивать?

Я была близка к истерике и даже не заметила, как повысила голос. Проценты… Какие еще проценты? О чем он говорит?

– Если хочешь знать мое мнение, то ни за год, ни за два вы с матерью таких денег не наберете.

– Но мы постараемся… – лихорадочно прикидывала я, что мы можем сделать.

Я могу поискать еще одну работу. Экономить будем на всем, откладывать каждую лишнюю копейку. Сколько-то да накопим, плюс продадим квартиру…

– Потому что вы сейчас бедны как церковные крысы!

– Что?! – от возмущения у меня разом вылетели из головы все мысли, а сама я вскочила на ноги. – Да как вы?..

Осеклась, понимая, что приблизилась к Волошину на опасное расстояние, что с врагами так нельзя. Собралась отступить на шаг, но он мне не позволил, сжав мое запястье.

– Отпустите! – дернула я руку, но он даже ухом не повел.

Мы с ним дошли до его стола, где горела настольная лампа. Свободной рукой Волошин выгнул гибкий ствол лампы в другую сторону, и яркий свет ударил мне в лицо, ослепив.

– Перестаньте так делать! – снова дернулась я, силясь увернуться от этого света.

Но ни запястье мое не выпустили, ни лампу не убрали. А еще через секунду я почувствовала пальцы Волошина на своем подбородке. Догадалась, что он вертит мое лицо из стороны в сторону, разглядывая его в мельчайших деталях, до каждой поры. Уж не извращенец ли он?

– Так зачем ты сюда пришла, Люда? – убрал он, наконец, ненавистную лампу, но я все еще продолжала ничего не видеть. Теперь перед глазами плавали цветные круги.

– Просить об отсрочке…

– Нет. Ты пришла сюда просить, чтобы я простил долг твоему отцу. И не отрицай!.. – не дал он мне опровергнуть себя. – Подспудно именно этого ты и хочешь. Но! Я бизнесмен и долгов не прощаю никому. У нас с твоим отцом был честный договор. Один дал денег, другой обязался вернуть долг вовремя и с процентами. И если бы не вмешательство злого рока, возможно, отец твой и выполнил бы свои обязательства. Хотя, лично я в этом сомневаюсь.

– Почему? – замерла я.

И меня совершенно перестало волновать, что Волошин так и продолжает удерживать мою руку. Теперь я этого просто не замечала.

– Потому что, прежде чем одалживать твоему отцу такую сумму, я навел о его бизнесе справки. И уже тогда знал, что бизнес не спасти.

– Но деньги вы ему дали. Зачем?

– На то у меня была причина. Ты!

– Я?

– Ты, детка, ты…

Он отпустил меня и вернулся к окну. Теперь я снова видела его спину и пыталась расшифровать смысл того, что вкладывал он в свои слова, говоря обо мне.

– Я знал, что ты придешь. Не сегодня, так завтра. Не завтра, так через месяц. Смерть твоего отца только все ускорила. Знал, что будешь просить меня, умолять…

Вот уж чего я не делала, так это не умоляла. Даже не собиралась! Хотя… Ну кого я обманываю? Ведь близка была к этому.

– Но… Я не понимаю…

– А я тебе объясняю, – повернулся ко мне Волошин. Выглядел сейчас он скучающим, словно говорил мне прописные истины, а я-идиотка никак не могла их понять. – Считай, что за столько я купит тебя. Долг твоего отца я прощу только в том случае, если ты согласишься переехать ко мне.

Мне показалось, что лишусь сознания, так резко закружилась голова. Я схватилась за столешницу и только так смогла устоять на ногах.

– Почему вы хотите, чтобы я переехала у вам? – поинтересовалась голосом, который вмиг стал сиплым, словно прокуренным.

– Чтобы делать с тобой все, что придет мне в голову, – прозвучал ответ, от которого у меня по телу разбежались мурашки. – И… не торопись с ответом.

Неделя тебе для того и дана, чтобы сделать правильные выводы и принять верное решение. Как обдумаешь все, позвони мне.

Передо мной на стол легла визитка с золотым тиснением. Взяла я ее машинально. В тот момент я не соображала ровным счетом ничего.

– Я могу идти? – сквозь пелену слез смотрела я на Волошина.

Все же, не удержалась.

– Иди. Жду твоего звонка, – равнодушно отозвался он и вернулся за стол.

Как покидала его кабинет, не помнила. Очнулась уже в холле, где ко мне и подлетела перепуганная Вика.

– Люська, ты как с того света вернулась! – потащила она меня на улицу. – Он отказал?

Я не могла говорить, слезы душили меня. Даже дышать получалось с трудом. Непослушными пальцами я достала телефон и вызвала такси.

– Вик, я тебе потом все расскажу. Мне надо домой.

Видно, по моему лицу Вика поняла, что дело обстояло даже хуже, чем она думала. Вместе мы дождались такси, куда она меня бережно и усадила. И я поехала домой – в единственное место, где могла все спокойно обдумать.

Глава 4

– Мамуль, привет! Ну как ты?

– Да все со мной нормально, доча! На курорте вот отдыхаю, – в голосе мамы послышалась улыбка, и я украдкой выдохнула с облегчением.

Самой мне было даже не плохо, а дурно. И сил ехать в больницу не осталось совсем. Я до квартиры-то еле добралась, практически ползком. Голова трещала и подташнивало.

– Мам, ты не обидишься, если я приеду к тебе завтра?

– И завтра не нужно! Нечего тебе сюда таскаться, не ближний свет. Завтра у тебя выходной – выспись лучше.

– Высплюсь и приеду, – пообещала я.

Я еще немного поговорила с мамой, стараясь делать это бодро. И похоже, на это ушли остатки моих сил.

Господи! Во что же я вляпалась?! – вопрос прострелил голову новой и резкой болью. Я аж застонала и помчалась в туалет. Там меня вывернуло наизнанку, но стало немного легче. Головная боль притупилась, и я могла более-менее спокойно подумать. И как же хорошо, что мамы дома не было! Вернее, конечно, нет ничего хорошего в том, что она в больнице, но если бы была сейчас здесь, то точно просекла бы, что со мной не все в порядке.

Я все осознавала. Все то, что сегодня услышала от Волошина. Одного никак не могла понять – спланировал ли он все это заранее? И если да, то зачем ему это? Зачем ему я? Как он выразился, он купил меня. Цена вопроса – долг отца. Ну что ж, для меня, наверное, цена еще и завышена, – размышляла я, подключая самоиронию. Но сути я все равно не понимала, как и боялась думать о том, что скрывается под словами Волошина: «Чтобы делать с тобой все, что придет мне в голову». Вывод напрашивался один – Волошин ненормальный и извращенец. И я всецело нахожусь в его власти. А времени мне дали неделю. На что? Если все равно я не могу отказаться? Сдается мне, не согласись я переезжать к нему добровольно, он заставит меня сделать это силой. Иначе… Как сложится наша с мамой жизнь в другом случае, мне даже думать не хотелось.

* * *

Почему этот краснощекий и какой-то мокрый дядя залез маме под юбку? Проверяет ее трусики, не описалась ли? А пыхтит так громко почему? Потому

что толстый? И как мама может описаться, если она уже взрослая? Вот и его за такое ругает? Даже по попе влетает частенько…

– Мам. Тебе плохо? Этот дядя сделал тебе больно?

Дверь открылась беззвучно, хоть обычно и скрипит очень противно. Мама перестала стонать и быстро убрала руку дядьки от себя.

– Ты почему не спишь? – подбежала она к нему и вытолкала за дверь. – Марш в свою комнату, иначе получишь ремня.

– Ты кричала, вот я и проснулся. Тебе было больно? – заплакал он, когда мама потащила его в детскую, больно сжав руку. – Он тебя обижает! Он плохой!

– Ложись в кровать и не смей больше вставать! – строго велит мама. – Если ослушаешься, накажу! Понял?

Кивает, глотая слезы. Как же жалко маму! Ей снова будет больно. Сейчас она уйдет, и он опять услышит ее крики. Только встать уже не осмелится, чтобы защитить маму.

Время идет медленно, уснуть не получается. Он слышит все, что происходит в квартире. Стоны, крики, возня… А потом хлопает входная дверь, и через какое-то время в ванной включают воду. Мама пошла мыться, наверное, так ей становится меньше больно. Это как обожженную руку подставить под холодную воду – не болит же…

– Почему не спишь? – заглядывает мама в комнату и подходит к кровати.

– Не получается.

– Спи, сынок, – присаживается она на самый краешек и гладит его по волосам. – Завтра пойдем в магазин и купим тебе новую курточку. А еще ботинки… И рубашку, и брючки…

Он засыпает с улыбкой на губах в ожидании завтрашнего похода по магазинам. Мама! Любимая мама! Вырастет вот он, никому не позволит ее обижать!

Звонок будильника ворвался в сонное сознание. Стас распахнул глаза и сразу же поморщился. Снова этот позорный сон! Да сколько же можно?! Когда уже эта ерунда перестанет ему сниться? Ведь детство осталось в далеком прошлом. Но и сейчас он испытывает все то, что испытывал во сне. Страх, боль и… радость – такую глупую и такую позорную.

Стас рывком откинул одеяло и встал с кровати. Срочно в душ – он всегда помогает смыть воспоминания, которые порой настырно лезут в голову и дико раздражают. Нет того мальчика уже давно. Нет и не будет. Матери тоже нет – уже десять лет покоится на кладбище. Надо бы записаться к психологу, чтобы похоронить уже и воспоминания о детстве и о матери. Надо! Сегодня же сделает это.

Ни к какому психологу он не запишется и через какое-то время снова увидит этот сон. Стас вытирался полотенцем и посмеивался над собой же. Что это – разновидность мазохизма? Получается, что так.

Дождь зарядил с ночи и отравлял из без того отвратительное настроение. Вчера же еще светило солнце и было по-летнему тепло. А сегодня что случилось? Как может погода быть такой капризной? Впрочем, на то она и осень.

– Доброе утро, Станислав Викторович! Вы как раз вовремя – у меня оладушки поспели. Садитесь скоренько к столу! – встретила его не в меру болтливая домработница, которая в его доме выполняла обязанности и повара. Собственно, она у него работала одна, и это был тот максимум, который мог вынести Стас. Чужих людей в доме не переносил. Приемы устраивал редко, и когда в этом складывалась острая необходимость. С приятелями предпочитал встречаться на нейтральной территории. Ну а Полина Игоревна… что ж, к ней он, пожалуй, привык за столько-то лет. Ее он переманил из дома дяди, когда решил жить самостоятельно.

– Повидло яблочное? – удобно устроился Стас за столом, наслаждаясь ароматом свежеиспеченных блинов.

– Ну конечно! Вчера купила свежее, – поставила перед ним Полина Игоревна полную тарелку румяных оладий. – Знаю же, как вы любите. Приятного

аппетита, Станислав Викторович, – вытерла она руки о фартук.

Еще как любит. И любовь эта, как ни странно, шла из самого ненавистного периода в жизни Стаса – из детского дома, в котором он провел два месяца, успев возненавидеть, и из которого его забрал к себе жить дядя – брат матери. Но толстые мучные оладьи, сдобренные густым яблочным джемом, навсегда покорили его сердце.

– Обедать сегодня дома будете? – поинтересовалась домработница. – Задумала я приготовить…

– Нет, не дома, – перебил ее Стас.

– Ну вот, а я-то планировала…

– Полина Игоревна, приготовьте гостевую комнату. Наведите там порядок, докупите мебель, если требуется. В общем, вы и сами знаете, – не собирался Стас слушать треп домработницы.

– К нам едут гости? – удивленно замерла женщина посреди столовой.

– А что вас удивляет? – нахмурился Стас.

Хотя, тут и ежу было понятно, что.

– У нас будет гостья, которая прибудет на днях, – решил он проявить снисходительность. Излишняя грубость и строгость ни к чему, особенно с Полиной Игоревной.

– Молодая? – заулыбалась домработница.

– Да, – принялся Стас за поедание оладий. – М-м-м, вкуснотища какая! – едва не простонал вслух.

– Ой, как я рада! А зачем же ей готовить отдельную комнату?..

– Полина Игоревна, помолчите! – не выдержал и прикрикнул-таки на нее Стас. – Дайте позавтракать спокойно и сделайте так, как я вам велел.

Глава 5

Мы предполагаем, а бог располагает… Кажется, так говорят? В любом случае, выспаться у меня не получилось от слова «совсем». Половину ночи я промучилась от бессонницы, снедаемая мыслями о Волошине. Разговор с ним крутился по кругу в моей голове. И спать хотелось дико, и мысли мешали. Я помнила каждое слово, сказанное этим ненормальным, и сам он постоянно всплывал перед мысленным взором. А еще покоя не давал мой когнитивный диссонанс – как такой красивый внешне мужчина может вести себя так, что поведение его нарушает все законы логики? Да и кроме этого в голове было слишком много вопросов без ответа. И сейчас я еще острее ощущала утрату – смерть отца. Ведь был бы он жив, ничего этого с нами бы не случилось. Папа обязательно нашел выход, защитил нас с мамой. А сейчас, получается, защитить нас могу только я.

Под утро я провалилась в сон, а разбудил меня звонок мобильного. Перед тем как ответить, я зафиксировала, что нет еще и девяти.

– Карасева Людмила? – раздался в трубке незнакомый женский голос.

– Да, – отозвалась я вмиг севшим голосом, чувствуя как холодеют конечности.

– Вас беспокоит медсестра реанимации. Карасева Ольга Леонидовна ваша мать?

– Что с ней? – я была близка к обмороку, и в голову лезли мысли одна чернее другой.

– Успокойтесь, она жива, – торопливо проговорила медсестра, видно пожалев меня. Сухость и казенность из ее голоса тоже исчезли. Дышать стало чуточку легче. – Но она в реанимации в тяжелом состоянии. Ночью у нее случился новый приступ. Приступ купировали, но положение серьезное. Не могли бы вы подъехать? С вами хочет переговорить ее лечащий врач.

– Конечно! Я скоро приеду! – соскочила я с кровати и принялась метаться по комнате.

Плохо соображала, что делала. И оделась слишком легко, не заметив, что на улице дождь. Пока бежала до такси, успела вымокнуть и замерзнуть. Еще и ветер дул порывами и ледяной.

В такси немного согрелась, как и смогла подумать. Мама жива, и это самое главное! А моя паника может только все испортить. Если приступ купировали, то она обязательно поправится. Она должна поправиться, ведь иначе я останусь совсем одна на этом свете.

В лифте больницы, когда поднималась на пятый этаж, мне снова поплохело. Вернулись дурные предчувствия, и в кабинет врача я входила ни жива ни мертва.

– Не буду скрывать, положение вашей мамы очень серьезное, а ее состояние внушает мне опасения, – выдал мне прямо в лоб врач.

С одной стороны, я была благодарна ему за честность, с другой – нельзя же так вот сразу, как обухом по голове. С третьей – начни он издалека, вряд ли мне было легче.

– Она будет жить? – задала я вопрос, который волновал меня всего сильнее.

– Без операции она проживет еще сколько-то, но жизнью это можно будет назвать с натяжкой, – сочувственно взглянул на меня врач. – Ей нужна срочная операция, и тогда она сможет вести почти полноценный образ жизни.

– Так сделайте эту операцию!

– Я не просто так вас позвал сюда, – кивнул врач. – Помимо вашего согласия нужны еще и деньги.

– Сколько? – вмиг охрипла я.

– Много… – и он назвал сумму.

– Но… это очень большие деньги. У нас нет таких.

Из последних сил я держалась, чтобы не разрыдаться. Цена операции была разве что вдвое меньше, чем мы уже задолжали Волошину. Где?.. Где мне взять такие деньги?

– Ищите, что я еще могу сказать, – продолжил врач.

– Сколько у меня есть времени?

– Неделя, больше ждать нельзя. Протянем – начнутся необратимые процессы.

Неделя… И тут мне дают неделю. На этот раз на кону жизнь мамы, даже не наше с ней благополучие.

– Я найду деньги!

Покидала я кабинет врача, точно зная, что буду делать дальше. Спустившись в больничный парк, я нашла в сумочке визитку Волошина и сразу же позвонила ему. Дождя я не замечала, да и ничего остального. Моя судьба зависела от того, что скажет тот, чей номер я сейчас набрала.

– Я согласна! – выпалила я в трубку, опуская приветствие. Потом уже сообразила, что ответить мог вовсе не Волошин.

– Это кто? – в равнодушной манере растягивать слова я узнала его голос. Ну хоть адресатом я не ошиблась.

– Людмила Карасева.

– А-а-а, – понимающе протянул он. – И ты согласна?

– Да.

Говорить было очень тяжело. Каждое слово я буквально выталкивала из себя.

– Хорошая девочка. Тогда…

– Но у меня есть одно условие! – выкрикнула я, боясь, что так и не решусь это сказать. Выкрик получился истеричным, и Волошин какое-то время отмалчивался. Только бы не бросил трубку! – молила я про себя.

– А ты считаешь, что можешь ставить мне условия?

Да! Да! Надсмехайся надо мной, унижай. Хочешь, даже ноги можешь вытереть, но только не отказывай сразу!

– Я так не считаю, просто у меня нет выхода.

Снова предательские слезы готовы были брызнуть из глаз. С большим трудом получалось сдерживать голос, чтобы не дрожал.

– Алло… – голос все же задрожал, а из глаз полились слезы. И остановить их я уже была не в силах, как и не всхлипывать прямо в трубку.

– Ты где? – прозвучал голос Волошина слишком близко, словно он вдруг оказался рядом.

– Возле больницы.

– Говори адрес и жди. Мой водитель сейчас приедет за тобой. О твоем условии поговорим при встрече.

Я назвала адрес, и он отключился, сообщив, что за мной приедет черная иномарка. Только тут я поняла, что сижу и мокну под дождем, что у меня от холода уже зуб на зуб не попадает. Чтобы хоть немного согреться, я пошла на выход из больничного парка. Под порывами ветра стало еще холоднее, я практически заледенела. Но на мое счастье, ждать долго не пришлось. Уже через пять минут, как я устроилась на автобусной остановке под козырьком, к ней подъехала черная тонированная в хлам иномарка. Со стороны пассажирского сидения опустилось стекло, и водитель поинтересовался:

– Людмила?

Я затрясла головой, мечтая оказаться в тепле салона. И в тот момент меня совершенно не волновало, куда он собирается меня везти.

Глава 6

– Милая моя! Откуда же ты такая взялась? – запричитала женщина, что встретила нас у входа в дом.

– Хозяин распорядился позаботиться о ней и устроить со всеми удобствами, – сообщил водитель, передавая меня в руки женщины.

– Да уж, конечно, позабочусь! Горемычная… Как же ты умудрилась вымокнуть до нитки? Разве ж так можно?.. – не переставая вздыхала женщина, ведя меня под ручку, как умирающую, по огромных размеров холлу.

Впрочем, примерно так я себя и чувствовала – умирающей во всех смыслах этого слова. И быстрее всего умирала моя душа.

– Давай-ка, снимай с себя одежду. Первым делом нужно в горячий душ, а потом уже все остальное, – принялась меня раздевать женщина, потому как у самой меня сил не осталось, даже чтобы расстегнуть пуговицу на кофте. – Вот тебе и гостья… Я-то думала… а тут… Ну разве же так можно?..

Она все говорила и говорила, а у меня под аккомпанемент ее голоса слипались глаза.

– Вставай, милая, пойдем греться… – силой подняла меня женщина с дивана и куда-то повела.

Творилось со мной что-то необычное. Ни разу в жизни я себя так не чувствовала – вроде и живой, но в то же время уже нет. Все происходящее я словно наблюдала со стороны. А звуки долетали до меня как будто из очень далекого далека.

Помню, что ванна очень быстро наполнилась паром, как только женщина пустила воду в белоснежную керамическую емкость. Помню, волну удовольствия, что прокатилась по телу, стоило мне только опуститься в горячую и ароматную воду.

– Не спи, милая, потерпи еще чуть-чуть, – приговаривал чей-то голос. И сильные руки поддерживали меня, чтобы не ушла под воду.

Те же руки достали меня распаренную из ванной и укутали во что-то пушистое и большое. Опять мы куда-то шли, на этот раз по лестнице. Ноги переставляла из последних сил и ничего вокруг уже не видела.

– А теперь поспи. Сон лечит… Авось не разболеешься… – дальше я уже не слышала – как только голова моя коснулась подушки, так сразу же провалилась в сон.

Где я? И что тут делаю? – именно эти вопросы появились первыми, стоило мне открыть глаза.

В комнате, где и стояла большая шикарная кровать, на которой я пробудилась, царил полумрак. Но за окном еще не стемнело – эффект такой создавался из-за зашторенных тяжелых бордовых портьер. Обстановка была такой же богатой, как и кровать. Массивная мебель, явно купленная не в Икее, пушистый ковер под ногами, мягкость которого я сразу же оценила по достоинству. Витиеватые бра в изголовье кровати…

По мере окончательного пробуждения в голове моей восстанавливались и все остальные события в хронологическом порядке. Сердце кольнуло болью, когда вспомнила разговор с врачом. Потом звонок Волошину… Значит, сейчас я нахожусь в его доме, а привез меня сюда его водитель. И домработница, что встретила нас, явно ждала меня, была предупреждена.

В ногах еще ощущалась слабость, но в общем чувствовала я себя отдохнувшей. Возможно, не полной сил, но довольно бодрой. Сколько же я проспала?

На пока еще не самых крепких ногах я приблизилась к окну. Отдала должность тому приятному ощущению, что испытывали мои босые ступни, погружаясь в высокий ворс ковра. Сама я была в длинном белоснежном халате. В нем и спала.

В него, получается, меня и закутали после принятия ванны.

На улице смеркалось, значит, спала я часов пять-шесть. Ничего себе! Никогда еще столько не спала днем.

Окно выходило в просторный сад, и картина меня зачаровала на время. Безумно красиво! Даже сейчас, когда почти все деревья сбросили листву. Сад казался волшебным и захотелось наведаться в резную беседку, что пряталась в его глуби.

Стоя у окна, я понимала, что тяну время. Пора было уже посмотреть правде в глаза и осознать до конца, где я и в чьей теперь власти. Правда, для начала мне предстояло озвучить свое условие. Ну а пока можно и перекусить. День уже клонился к закату, а во рту у меня не было и маковой росинки. Организм требовал своего, заявляя об этом довольно громко.

Одежды своей в комнате я не нашла, так и пришлось спускаться на первый этаж в халате. Оставалось надеяться, что хозяина этих хором еще не было дома.

Размер и богатство дома, в котором оказалась, я тоже оценила, бродя по нему в поисках хоть кого-то живого. Это не дом, а настоящий дворец или усадьба. Величина сада тоже на это намекала. И человеку, владеющему таким богатством, мой отец умудрился задолжать. А теперь я буду расплачиваться за долг, который кредитору должен казаться мизерным на фоне его богатства. Но думать так я не должна была, конечно же. Самой себе подобные мысли казались мелочными и недостойными.

– Проснулась, наконец-то! – такими словами и радостной улыбкой встретила меня женщина лет сорока пяти, которую я нашла на большой и тоже современной кухне. – Ну как ты, милая? Ничего не болит? Температуры нет? – прикоснулась она к моему лбу, усадив предварительно за стол. – Вроде нет. Голодная, поди?

– Если честно, то да, – призналась я. – И где моя одежда?

– Так выстирала я ее. Сейчас накормлю тебя и сходим за твоей одеждой. Никого кроме нас пока в доме нет, можно и в халате побыть, – приветливо улыбнулась она. – Я тут для тебя бульончика сварила, куриного. А он у меня особо целебным

получается. Вот сейчас покушаешь, и всю хворь как рукой снимет. Как звать-то тебя, милая? – пытливо посмотрела на меня женщина.

– Людмила, можно Люся…

– А я Полина Игоревна, работаю в этом доме всеми сразу, – рассмеялась она. – И ты можешь звать меня тетей Полей, если хочешь.

Уже через минуту передо мной в тарелке дымился и источал просто одуряющий аромат бульон. Не забыла тетя Поля добавить туда и вареное вкрутую яйцо, разрезанное на две половинки, и румяных сухариков сыпанула горстку, и сдобрила все это великолепие мелко нарубленной зеленью. Блюдо получилось просто объедение, и умяла я его с большим аппетитом и очень быстро. А все время, пока я ела, тетя Поля разговаривала сама с собой. Мне же даже забавно стало, несмотря на всю плачевность моего положения.

– А ты кем же будешь хозяину? Ох, язык мой – враг мой, не должна ведь задавать тебе лишних вопросов…

– А ты местная или приехала издалека? Вот же болтушка ты, Полька, по головке тебя Станислав Викторович точно за это не погладит…

– А надолго ли ты к нам? Отрезать бы тебе язык, Полька!..

И все в том же духе. Я видела, что любопытство так и распирает добрую женщину, но даже на один из ее многочисленных вопросов она мне не дала ответить. Правда, на многие я и не стала бы отвечать, но дело не в этом. Эта женщина оказалась поразительно болтливой, но чем дольше ее слушала и смотрела на нее, тем больше убеждалась, что плохого от нее ждать не нужно. Добрая душа, хоть и наивная в своей простоте.

Я не знаю, что это было – обед ли, ужин, но насытилась я вволю, чувствуя, как прибавилось сил, а потом тетя Поля выполнила обещание и вернула мне мою одежду – сухую и чистую. В ней я почувствовала себя намного увереннее, не хотелось встречаться лицом к лицу с Волошиным будучи в халате.

– А вот и хозяин пожаловал, – выглянула тетя Поля в окно гостиной. – Заждалась, поди? – метнула в меня любопытный взгляд. – Ну, я на кухню, не буду мешать вам. Да и пора накрывать стол к ужину.

Я же замерла в ожидании, чувствуя, как нарастает во мне страх встречи.

Глава 7

– Ну, я пойду, – быстро проговорила тетя Поля и метнулась в кухню.

Я же осталась в гостиной одна, чтобы встретиться с Волошиным лицом к лицу, так сказать. Страх от этой мысли усилился. А сама я моментально превратилась в комок оголенных нервов.

Он вошел, и снова меня поразила его внешность. Наверное, про таких и говорят: «Красив как бог». Только этот бог казался мне коварным и опасным. И я его боялась. А страх способен любому испортить жизнь. В моей же жизни этих страхов в последнее время стало слишком много.

– Привет! – буднично проговорил Волошин, словно я всю жизнь прожила с ним под одной крышей.

– Добрый вечер! – с трудом прочистила я голос.

– Можно менее официально, – усмехнулся он. – Все же, ты теперь живешь тут. Или нет? – остановился он напротив меня, еще отчетливее демонстрируя свою красоту, и всмотрелся в мое лицо.

– Мне… Мне надо поговорить с вами, – промямлила я, пряча глаза.

– Обязательно поговорим, но позже, – кивнул он. – Сейчас я мечтаю о ванне и ужине, уж извини.

Больше Волошин ничего не сказал и вышел из гостиной. Мне же без него дышать стало легче. Господь! Ну как я буду жить тут, если одно его присутствие рядом сводит меня с ума?

Откуда ни возьмись появилась тетя Поля, словно она только и ждала, когда я останусь одна.

– К ужину накрываю в столовой. Составишь хозяину компанию, милая? – поинтересовалась домработница.

– Да я же сыта…

– Ну значит просто посидишь с ним за столом. Уверена, он будет на этом настаивать. Ты же гостья в этом доме.

Хорошенькая гостья. Разве что, поневоле, – обреченно вздохнула я, что не укрылось от внимания тети Поли.

– А что с тобой, деточка? Почему глаза на мокром месте? – всполошилась она.

– Да нет, ничего… Просто в глаз что-то попало, – потерла я глаза для достоверности.

Но чувствовала я себя, на самом деле, не очень. Сейчас я понимала, что означает фраза «не в своей тарелке». В этом доме я именно такой и была – с боку припеку. И я не понимала, что я тут делаю. Как и уйти не могла.

– Ну ладно, некогда мне… Приходи в столовую минут через пятнадцать, – с этими словами тетя Поля скрылась, а я снова осталась одна.

Так и сидела на диване, сложив руки на коленях и разглядывая входную дверь, пока не вошел Волошин. Его густые и волнистые волосы были мокрые и на этот раз гладко зачесанные назад. С такой прической он выглядел еще опаснее. И без костюма, в просторных брюках и футболке, он не казался мне проще и ближе.

– Расслабься, Люда, – растянулись его губы в улыбке, которая тоже показалась мне хищной. – Я тебя не съем. И вообще, я людьми не питаюсь.

В этот момент в гостиную заглянула домработница со словами:

– Стол накрыт, милости просим!

– Иди за мной, – велел мне Волошин и направился к двери.

На непослушных ногах я последовала за ним. В отличие от тети Поли он даже не поинтересовался, голодна ли я.

Стол, накрытый к ужину в гостиной, показался мне великоват для одного. Ну или для двоих даже. И блюд на нем было слишком много. Кто все это будет есть?

Меня всегда удивляло, когда смотрела кино про какое-нибудь зажиточное семейство, как много повара для них наготавливают. А съедается из всего этого мизерная часть. Остальное куда девается? Не выбрасывается же. Ладно, в былые времена, еду можно было раздать бедным, или в больших домах прислуга доедала остатки еды с хозяйского пира. А сейчас?.. Куда тетя Поля денет все, что не съест Волошин? Но вопрос этот, скорее, был риторическим, и так я пыталась отвлечь себя же от предстоящего разговора. Ведь изложить мне суть своего условия придется, наверное, за ужином.

– Как тебя зовет мать? – задал Волошин неожиданный вопрос, когда мы устроились друг напротив друга за столом, и он наполнил свою тарелку. Моя передо мной осталась стоять пустая. Сейчас мне бы кусок в горло точно не полез, даже если бы испытывала голод.

– Люсей, – ответила я. Так меня называли почти все мои знакомые.

– Мне не нравится, – заявил Волошин после паузы. – Людмила звучит намного красивее. Я буду звать тебя Людой или Людмилой.

Что я могла на это ответить? Да и все равно мне было. Пусть хоть Чебурашкой называет, лишь бы простил отцу долг!

– Почему ты не ешь? – посмотрел он в мою тарелку.

– Я не голодна, меня накормили.

– Тогда, жди, когда я утолю голод, – кивнул Волошин и приступил к еде.

Я замерла, не в силах не наблюдать за ним. Старалась делать это не очень открыто. Но ел он… изящно. Его манеры меня поразили. И взгляд мой то и дело останавливался на его руках, уверенно орудующих вилкой и ножом. Сами руки тоже были красивыми, как у пианиста или хирурга. И вся эта наружная красота не совмещалась с моим представлением о Волошине, как о человеке. Хотя… хищники, как правило, бывают очень красивыми. А он был хищником!

– Я готов тебя выслушать, – отложил Волошин вилку и посмотрел на меня в упор.

В первый момент слова застряли у меня в горле. Пришлось даже прокашляться, прежде чем получилось заговорить внятно.

– У меня мама в больнице…

– Знаю, – кивнул Волошин.

– У нее случился второй приступ, и она в тяжелом состоянии, – продолжила я, стараясь не заплакать.

– Насколько тяжелом? – уточнил он.

– Ей нужна срочная операция.

– И на операцию эту нужны деньги, – проявил он просто чудеса проницательности. Впрочем, собственная ирония сейчас мне казалась не уместной. Сейчас я выступала в роли просительницы, готовой отдать за помощь все! – Сколько?

Я назвала сумму.

– И ты хочешь, чтобы я тебе их дал?

Он не смеялся надо мной, не издевался. А просто констатировал факты. Появилась надежда, в которую я боялась верить.

– Мне больше не к кому обратиться, – отвела я взор. Я не могла больше смотреть в его непроницаемые глаза. Не понимала, что он думает и как ко всему относится. И я очень боялась получить отказ.

– На что ты готова ради спасения своей матери? – задал Волошин вопрос, которому я уже даже не удивилась.

– Наверное… на все.

И это было правдой. Я сидела перед человеком, от которого сейчас зависело все в моей жизни. Всё и все, чем я дорожила, сейчас находилось в его руках. И за это я со своей стороны готова была заплатить по полной. Чего бы он от меня ни потребовал.

– Хорошо! – произнес Волошин после паузы. – Завтра я перечислю необходимую сумму в больницу, и мать твою прооперируют лучшие хирурги.

– Спасибо!..

– Не благодари! – пригвоздил он меня взглядом к стулу. – Я это сделаю не из любви к ближнему или к тебе лично, – губы его дрогнули в презрительной усмешке. Уж не ненавидит ли он меня? – мелькнула в голове мысль, которая напугала до колик. – Так же, я прощу долг твоего отца…

Он замолчал, а я уже боялась вымолвить хоть слово. Да и что я могла сказать, кроме слов благодарности?

– Сейчас я устал и хочу отдохнуть в одиночестве, – отодвинулся Волошин от стола, а потом и встал. – Завтра утром, за завтраком я сообщу тебе, какой отныне будет твоя жизнь. А сейчас… чувствуй себя как дома, – покинул он столовую, оставляя меня в совершенно растрепанных чувствах.

Глава 8

– Убери от нее руки, урод!

Мальчишка лет десяти вбежал в комнату и вцепился в жидкие волосенки противного худосочного мужика, что лапал его мать.

– Убери от меня своего звереныша! – заверещал мужик тонким голосом, падая на пол.

Сейчас у тебя волос-то поубавиться! – злорадно подумал мальчик, дергая изо всех сил. А визг мужика стал похож на свинячий.

Еле как мать оттащила сына от жертвы и уволокла в комнату.

– Ты будешь наказан, поганец! – строго проговорила, не забыв запереть за собой дверь.

– Его лечить нужно!..

– Он же зверем растет!..

– Псих ненормальный!..

Какое-то время мальчик прислушивался к возмущенным возгласом. На их фоне шелестел тихий мамин голос. Порой, очень редко, она вот так же уговаривала его, когда он что-то не хотел делать. Но зачем она так же говорит с этим уродом, который делает ей плохо?!

Мальчик остался без ужина, и до самой ночи дверь в его комнату не отпиралась.

Он уж почти уснул, мучаемый голодом, когда пришла мама.

– Ты сегодня перешел все границы, сын! – строго смотрела она на него, покачиваясь из стороны в сторону.

Снова она пила водку. Она всегда пила ее с этим худосочным. И его запирала. А сегодня забыла запереть…

– Мам, пусть они все оставят тебя в покое. Зачем они нам? – сел мальчик в кровати.

– А ты есть хочешь? Одеваться нормально хочешь? Без них ничего этого у тебя не будет, – ткнула мама пальцем в игрушки мальчика.

– И не надо! – выкрикнул он. – Я ненавижу их всех! Из-за них ты плохая!

– Оставайся сегодня без ужина, – усмехнулась мама, выходя из комнаты. – Может, тогда поумнеешь.

– Ненавижу, ненавижу!.. – понеслось ей в спину.

– Где Людмила?

– Люсенька-то? Так спит она еще, наверное…

– Разбудите ее, Полина Игоревна. Она должна составить мне компанию за завтраком, – велел Стас.

Время близилось к восьми, и до отъезда в офис он должен был порешать все вопросы с девушкой.

– Не жалко вам ее, Станислав Викторович? Она вон какая худенькая, да бледненькая. Сразу видно, что хлебнула горюшка в жизни…

– Она вам что-то рассказывала? – перебил домработницу Стас.

– Да тут и рассказывать не нужно, и так все видно. А девушка эта не из болтливых.

– Вот и вы не болтайте лишнего, Полина Игоревна, а выполняйте мои поручения, – нахмурился Стас.

Вместо того чтобы хоть немного смутиться, домработница недовольно поджала губы, но от комментариев отказалась.

Стас едва не вспылил, до такой степени отвратительное держалось с самого утра настроение. И знал, что не в меру любопытная и болтливая Полина Игоревна, что частенько ее волнует то, что не должно волновать, но сегодня был близок к тому, чтобы уволить. Правда, быстро остыл, стоило женщине уйти. За годы он привык ней, а познакомились они уже давно, когда его забрал к себе дядя. Да и не виновата она, что сегодня ему снова приснился этот сон.

Через десять минут Полина Игоревна зашла в гостиную с докладом, что стол накрыт, а гостья спустится через минуту. На этот раз она больше ничего не сказала, а Стас попросил ее не заходить в столовую во время завтрака. И он не сомневался, что на этот раз она его послушается.

Он ждал минут пять, прежде чем Людмила появилась. Красивая до боли в глазах, раздражающе грустная, как и испуганная, и очень бледная. Тут Полина Игоревна оказалась права – надо бы показать ее врачу, чтобы прописал ей какие-нибудь витамины. А то выглядит она болезненной, и смотреть на нее такую не хочется. И эта ее одежда… на какой барахолке она одевается?!

* * *

Я не спала, когда в комнату заглянула тетя Поля.

– Да ты уже проснулась, милая! А я хозяину говорю, что спишь еще, – улыбнулась добрая женщина. – Слыхала я, как полуночничала ты. Плохо спалось на новом месте?

– Пить захотела, вот и спустилась на кухню. Извините, если разбудила.

– Да какой там! – махнула рукой тетя Поля. – Бессонница у меня уже дня три. А потом в спячку впаду, как тот сурок, – рассмеялась она. – Годы мои такие…

Это она наговаривала на себя, совсем ведь еще не старая. Мне вот ночью волнение мешало уснуть. Вчера Волошин так и не озвучил, для чего же я ему понадобилась. И услышать это я очень боялась.

– Хозяин спрашивал про меня?

И почему я его так назвала? Наверное, по инерции. Мне он точно никакой не хозяин!

– Велел звать к завтраку, – кивнула тетя Поля. – Видно, дело у него к тебе серьезное, раз просил не беспокоить.

Тут мне стало еще страшнее. Но и выбора не было, не подчиниться не могла. А так как была полностью готова, вышла из спальни вместе с тетей Полей.

– Беги в столовую, милая. Не заставляй хозяина ждать, не любит он этого, – напутствовала меня женщина, пока спускались по лестнице.

Первое, о чем спросил меня Волошин, когда вошла в столовую на негнущихся ногах:

– У тебя кроме этого из вещей ничего, что ли, нет? – рассматривал он меня с головы до ног, не скрывая гримасу брезгливости.

На мне были все те же джинсы и свитшот. Да и откуда бы тут взяться моим вещам, если вчера его водитель забрал меня из больницы. Все это я ему и сказала.

– Сегодня тебя водитель отвезет домой за вещами. Впрочем… – Волошин задумался на пару секунд. – Из вещей ничего не бери. Вряд ли у тебя есть то, в чем я бы хотел тебя здесь видеть. Бери все, что тебе может понадобиться, кроме одежды. Одежду я тебе куплю сам.

– Зачем? – вскинула я на него глаза.

– Потому что я так хочу, – пожал он плечами.

– Вы обещали перечислить в больницу деньги на операцию, – нашла в себе смелость напомнить я.

– И я это уже сделал. Обещания свои привык выполнять. Сегодня можешь созвониться с врачом и узнать, когда твою мать прооперируют.

– Спасибо!

– Не за что. Да и все до копейки ты отработаешь.

– И кем я буду работать? – не сдержала я удивления. – Да и есть у меня работа…

– Кассир в магазине? – усмехнулся он. – Туда ты не вернешься.

– Но мне нужно хотя бы уволиться, – вспыхнула я.

– Это тоже не твоя забота.

Я так растерялась, что даже слов подобрать не могла. Он, что же, отныне все будет решать за меня?

– Разденься!

– Что?..

В первый момент мне показалось, что я ослышалась, но Волошин повторил:

– Встань и разденься. Хочу посмотреть на тебя…

Глава 9

– Я не могу перед вами раздеться!..

Голос мой отчаянно дрожал, и я едва сдерживала слезы. Поверить не могла, что сидящий напротив мужчина только что мне действительно предложил это. Такое даже в страшном сне не могло присниться.

– А в чем проблема? – взлетели брови Волошина. – Представь, что ты у врача.

Он издевается?! Я во все глаза смотрела на Волошина, пытаясь разглядеть в его лице что-то, что подскажет мне, что он шутит. Ну не может же человек в трезвом уме предлагать малознакомой девушке такие вещи? Не может… Или может?

– Это… Это невозможно! – затрясла я головой, осознав, что Волошин не шутит. В его глазах я смогла прочитать любопытство, упрямство, толику издевки… но даже намека на шутку там не было.

– Еще как возможно, – отозвался Волошин после паузы. – Ты – товар, который я купил за баснословную сумму. И сейчас я хочу посмотреть, за что именно отвалил столько бабла.

Господи! Как же грубо и даже вульгарно это прозвучало. Ни миг я действительно почувствовала себя вещью, упакованной в коробку и перевязанной блестящей ленточкой.

– Люда, у меня не так много времени, как ты думаешь, – вздохнул Волошин. – Сделай, пожалуйста, то, о чем я прошу.

– Просите? – посмотрела я в его глаза.

У самой меня перед глазами уже все плыло. А кулаки под столом сжимались от ярости, которую уже не получалось контролировать.

– Именно, – спокойно кивнул он. – Пока прошу… – сделал ударение на первом слове.

– А если я откажусь? Заставите меня раздеться силой? И как?.. Позовете охрану или сами будете срывать с меня одежду.

Кажется, у меня аж зубы скрипнули, до такой степени я их сжала. И как же я в этот момент ненавидела холеного красавца, что сидел напротив и требовал от меня уму непостижимое!

– Если ты откажешься, то вскоре вы с матерью окажетесь на улице без гроша в кармане! – подался он вперед, и слова его резанули грубостью мой слух. – Поверь мне, я сделаю это без угрызений совести. Ты не успеешь оглянуться, как начнешь побираться. Потому что тебе нечего будет жрать, негде прятаться от непогоды… Впрочем, к вашим услугам всегда будут подвалы и теплотрассы, – растянул он губы в ехидной и беспощадной усмешке.

Все, что он говорил, я себе отчетливо представляла. И я ни минуты не сомневалась, что именно так он и поступит. Моральный урод – вот он кто! И чем я провинилась перед судьбой, что свела меня с ним?

Я медленно поднялась из-за стола. В глазах Волошина мелькнуло понимание вкупе с удовлетворенностью.

– Прежде чем я разденусь, хочу чтобы вы знали… – я замолчала, собираясь с силами.

– Хочешь высказаться? Валяй! – откинулся он на спинку стула и смотрел на меня с любопытством. – Пожалуй, на это у меня есть пара минут. Только не затягивай, пожалуйста.

Я собралась с силами, ведь то, что собиралась сказать ему, может изменить его планы на меня и испортить нам с мамой жизнь. Но и промолчать, прежде чем пройду через самое большое унижение в своей жизни, я не могла. Иначе моя гордость будет растоптана, и восстановиться я уже не смогу.

– Унижать, раздавливать, уничтожать – это все, что вы делаете в жизни с удовольствием, – заговорила я, чеканя каждое слово. А они сами лились из меня, словно понимали, как важно мне сейчас выговориться. – Вас бесят счастливые люди вокруг, потому что сам вы глубоко несчастный человек. И я бы могла пожалеть вас, если бы не ненавидела до такой степени. До самого последнего своего вздоха я буду вас ненавидеть и презирать за то, что вы сделали с моей семьей!

Я замолчала, чувствуя как меня колотит внутренняя дрожь. На самом деле, я уже плохо соображала, что говорю и что собираюсь делать. И короткая гневная речь не принесла желаемого результата. А равнодушная улыбка на губах Волошина добивала меня окончательно.

– Это все? – уточнил он.

– Все, – кивнула я, почувствовав обреченность.

– А теперь будь добра, разденься уже. Мне пора на работу.

Руки слушались плохо, когда стягивала с себя свитшот. С джинсами пришлось еще сложнее, и я едва не упала, до такой степени слабыми оказались ноги. Я осталась перед Волошином в одном белье.

– Все снимай, – задумчиво разглядывал он меня. Взгляд его казался липким и жалящим. Мне чудилось, что оставляет он на мне следы, и смыть этот позор я не смогу уже никогда.

От белья я избавилась и закрыла глаза. Стояла-то из последних сил, чувствуя, как кожа становится гусиной. А уж смотреть на мучителя и вовсе не могла себя заставить.

Прошло минут пять, как раздался голос Волошина.

– Можешь одеться.

Я открыла глаза как раз в тот момент, когда он вышел из столовой. Ну и надо ли говорить, с какой скоростью я натягивала на себя одежду? Наверное, побила все возможные рекорды. И откуда только силы взялись?

Не успела я пригладить волосы, как в столовую вошла тетя Поля. Оставалось надеяться, что она не стояла все это время под дверью и не была свидетельницей моего позора.

– Хозяин велел передать, что к твоим услугам машина и водитель. Куда-то собралась, милая?

– Что? – непонимающе смотрела я на женщину.

– Я спрашиваю, какие у тебя планы на сегодня? – добродушно улыбнулась она, и я поняла, что ничего она не видела и не слышала.

– Планы?.. – пыталась я привести мысли в порядок. – Надо съездить домой за вещами. И к маме в больницу.

– У тебя мама в больнице? – тут же переполошилась домработница. – Так давай я ей что-нибудь соберу вкусненького. А я-то думала, что ты приезжая, а ты, оказывается, живешь в этом городе. Ой! Ну опять я болтаю лишнего, – смутилась она.

– Не надо ничего собирать, мама в реанимации, – вздохнула я.

На самом деле, болтовня этой женщины сейчас для меня была как манна небесная. Она наполняла мою голову обычными бытовыми мыслями, потихоньку вытесняя негатив. Позор не перестал казаться мне таковым, но потерял свою остроту. В конце концов, пришла я к выводу, пусть за него будет стыдно Волошину, а не мне. Ведь именно он оказался извращенцем и любителем ню. И я старательно не думала, как меня дальше будут использовать в этом доме. Совсем скоро, должно быть, я об этом узнаю.

Глава 10

Квартира, в которую еще совсем недавно я так любила возвращаться с работы, где чувствовала себя защищенной от всякой суеты, где неизменно испытывала счастье и покой, сейчас мне напоминала склеп. Пустой, холодной и чужой.

Я бродила по комнатам, рассматривая знакомые вещи, и понимала, что хочу как можно скорее уйти отсюда. Куда угодно, лишь бы не оставаться в этих стенах. Уж лучше на улице, мерзнуть на ветру и мокнуть под дождем, чем тут. Даже вещи получилось собрать с трудом – долго не могла сосредоточиться, что же мне может понадобиться в доме Волошина, если одежду он мне брать запретил.

В общей сложности дома я провела не больше часа. А плодами стала небольшая спортивная сумка, куда с легкостью поместились туалетные принадлежности, кое-что из белья и документы.

Покидая квартиру, не могла избавиться от мысли, что больше никогда сюда не вернусь.

Машина с водителем терпеливо дожидались меня возле подъезда.

– А ты переезжаешь, Люсенька? – встретилась мне возле дома не в меру любопытная соседка.

– …Да, поближе к маме и к работе, – не сразу нашлась я, что можно ответить.

Кстати, о работе… Завтра мне нужно было заступать на смену. Только и этот вопрос Волошин решил за меня – работы у меня теперь не было, как и дохода. И денег на учебу я накопить не успела. Да и какая теперь учеба? – украдкой вздохнула я, садясь в машину.

– Куда теперь? – обернулся ко мне водитель.

Показалось мне, или в глазах его действительно мелькнуло сочувствие. Вряд ли, конечно. С чего ему сочувствовать совершенно постороннему человеку?

– В больницу, – ответила я.

Он лишь кивнул и вырулил со двора. И снова это чувство, когда бросила прощальный взгляд на дом. Вернусь ли я сюда еще когда-нибудь?

Чем больше я думала о собственной жизни, тем активнее прощалась с ней. В конечном итоге даже пришлось сделать себе внутренний выговор, за то что предаюсь унынию, все сильнее погружаясь в его пучину. Но так нельзя! Если так и дальше пойдет, то жизнь станет окончательно не мила. Кто тогда поддержит маму? Из нас двоих именно я сейчас должна быть сильной, как и побороть на своем жизненном пути все препятствия. Самое большое препятствие – Волошин. Но ведь и он временный в моей жизни. Какие бы у него ни были на меня планы, сколько бы я ни отрабатывала долг, когда-нибудь я ему надоем, и он оставит

меня в покое. Нужно только набраться терпения, ну и еще постараться не потерять себя за это время. В первую очередь Волошин унижает себя, выбрав такую тактику поведения со мной. Меня же он сможет унизить только тогда, когда я ему это позволю. Так не бывать же этому никогда!

Помню свой первый визит в больницу, когда привезли сюда папу. Тогда мне это место показалось мрачным вестником смерти. Возможно, такие эмоции родились, потому что именно тут нам с мамой сообщили, что папы больше нет. Не знаю… Но после того дня сюда я приезжала еще пару раз, и отголоски того чувства все время преследовали меня, тревожа душу.

Сейчас же было все иначе. Не успела я переступить порог больницы, как ясно осознала, что люди сюда приходят не умирать, а бороться со смертью. Каждый из пациентов ведет самую настоящую войну с судьбой в этих стенах. И большинство выходят победителями в этой схватке. Это и есть жизнь, наполненная смыслом!

Мне так понравились собственные новые мысли, что даже настроение поднялось. Ну и еще душу грело сообщение Волошина, что деньги на операцию маме он уже перечислил.

– Нам нужно время, чтобы стабилизировать состояние вашей мамы и подготовить ее к операции, – сообщил мне врач, подтвердив поступление средств. – Думаю, займет это дня три… – посмотрел он на настенный календарь. – Сегодня пятница, девятнадцатое октября… Предварительно операцию назначим… на вторник, двадцать третье. Ну а там все будет зависеть от вашей мамы, – подбадривающе улыбнулся он мне.

– Доктор, а скажите… – я замялась. Очень страшно было высказать это вслух. – А каковы риски при операции?

– Риски есть всегда, девушка, – серьезно отозвался врач. Вопросу моему он не удивился. Видимо, часто ему такие задавали. – Но у нас есть все возможности свести риски к минимуму. У нас работают высококвалифицированные специалисты, на новейшем оборудовании… Не стоит забивать себе голову лишними волнениями, – правильно понял он меня.

И за такой ответ я ему была благодарна. Раз операция – единственный шанс для мамы, то стоит ли думать о рисках?

В реанимацию меня ожидаемо не пустили, даже не разрешили посмотреть на маму через стекло, и выходила я из больницы, едва не плача.

И куда я теперь?.. В дом Волошина? Пусть самого его там сейчас, скорее всего, нет, но и мне там делать нечего. Полина Игоревна чудесная женщина, но ее болтовня кого угодно способна свести с ума. И чем мне там заниматься? Слоняться по дому? Гулять в саду? Сидеть в своей комнате и смотреть в потолок? Впрочем, из дома я прихватила свой старенький ноутбук, но даже его наличие в сумке не настроило меня на положительный лад. В дом Волошина мне ехать не хотелось. Потому и спросила у водителя:

– А можем мы просто покататься по городу?

– Почему нет? – тут же ответил он. – Я в полном вашем распоряжении на весь день. Как и эта машина, – улыбнулся он. – Вас, кстати, как зовут?

– Люда.

– А меня Виктор. Будем, значит, знакомы.

И так мне стало приятно от такого простого и очень человеческого общения! И Виктор показался самым лучшим человеком на земле, хоть и был он обыкновенным, просто добрее многих. Видно, у меня на лице были написаны все чувства, вот этот мужчина и пожалел меня. И все равно, приятно.

По городу мы катались с час, наверное, когда Виктор предложил мне заехать куда-нибудь перекусить. Я сразу же согласилась, и еще час мы с ним просидели в кафе на набережной, ведя неспешную беседу за обедом.

Оказалось, что Виктор старше меня всего на пять лет, хоть и выглядел он солиднее. Приехал в город он из деревни неподалеку, где и живут его родители и старшая сестра с семьей. А он вот решил податься в город на заработки. Практически сразу и устроился к Волошину водителем.

– Босс – мужик справедливый и платит хорошо, – поделился со мной Виктор, но ответить на это ему мне было нечего.

У нас с ним разные боссы в лице одного и того же человека. И относятся они к нам тоже по-разному. Да и не хотелось мне развивать дальше эту тему, и понял меня Виктор правильно.

Из кафе мы отправились домой – я так и не смогла придумать, чем еще можно заняться вне дома. Да и Вите нужно было дать отдохнуть от руля.

– Людочка, в комнате тебя ждет подарок, – сообщила мне с порога тетя Поля.

На аккуратно застеленной кровати лежала большая плоская коробка. А в ней было темно-синее платье, которое показалось мне изумительно красивым. К платью прилагалась записка: «Надень его сегодня на ужин». И все. Больше ни слова. После того, как прочитала записку, красота платья в моих глазах померкла.

Глава 11

Я рассматривала себя в зеркале и понимала, что прическа моя не соответствует платью. А платье на мне казалось настоящим произведением искусства. В коробке оно выглядело несколько иначе – разве что, безумно красивым и богатым. Сейчас же я понимала, что над его дизайном трудились настоящие профессионалы своего дела.

Верх платья был выполнен из парчи на мягкой подкладке. Он облегал меня как вторая кожа, подчеркивая грудь и талию, спускаясь на бедра. А дальше шла широкая шифоновая юбка в пол. Сколько же ткани на нее ушло? Она драпировалась вокруг моих ног, скрадывая ступни. Сюда нужны были туфли на высоком каблуке, которых у меня не было. И Волошин об этом не позаботился, – мелькнула мстительная мысль. Вот значит и выйду к нему в этом платье и босая!

Но с прической что-то нужно было делать – коса сюда вообще не лепилась. И не ради Морозова захотелось что-то поменять в себе, а потому что гармония на том

настаивала.

Я распустила косу, и волосы упали крупными волнами на спину и плечи. Даже так я моментально преобразилась, и собственные глаза, оттененные чернотой волос и синим, показались мне неестественно светлыми и прозрачными.

Вика любила повторять, что я генетический урод.

– Потому что у брюнеток редко бывают глаза голубыми, – пояснила она мне, когда сказала об этом впервые. Ну и само словосочетание, видимо, ей очень нравилось, раз не уставала повторять его.

Как она там? Я даже не могу ей сообщить, почему завтра меня не будет на работе. Или могу? Неужели Волошин даже по телефону запретит мне общаться? Вчера мой телефон забрали его парни из охраны. Но можно попросить вернуть его мне.

Сначала я решила оставить волосы как есть, но потом передумала и присобрала их на затылке. Делала это точно не для Волошина, а для себя. Никогда еще я не чувствовала себя красивой, хоть и нередко мне делали такие комплименты другие. Сама я считала, что в моей внешности нет ничего особенного. Ну а то, что в школе я нравилась некоторым парням… Так это же школа – там все несерьезно, по-детски. Серьезно я ни с кем еще не встречалась, после школы мне просто некогда было об этом думать. Сейчас и подавно.

– Людочка, ужин через десять минут, – заглянула в комнату тетя Поля. – Какая же ты красавица! – восхищенно взирала она на меня.

– Спасибо! – отозвалась я, чувствуя, как засосало под ложечкой.

Для кого? Для того, кто мечтает меня унизить? Того, кто даже не видит во мне человека? Для Волошина я лишь самка, задолжавшая ему кучу денег. Теперь я уже не сомневалась, как именно буду отрабатывать долг. Пыталась только морально себя к этому подготовить. И совершенно не понимала его. С такой внешностью и деньгами он может получить любую. Я-то ему зачем?

– Спускайся, девочка. Хозяин не любит ждать, – быстро проговорила тетя Поля и убежала.

Хозяин не любит ждать. Хозяин не терпит непослушания. Хозяин – настоящий сатрап! Вот кто он. Считает себя сверхчеловеком, а по сути… Я не знала сути Волошина, да и не хотела этого знать.

Стол к ужину был традиционно накрыт в столовой. Тетя Поля суетилась возле него, наводя последние штрихи. Самого Волошина еще не было, когда я спустилась. Но домой он точно вернулся – я слышала его голос, сидя в своей комнате.

Босым ступням было холодно на кафельном полу, и я поспешила сесть на стул и поджать под себя ноги.

– Ну, милая, приятного тебе аппетита! – улыбнулась тетя Поля, в последний раз оглядывая стол. – Азу сегодня получилось знатное, обязательно попробуй! В этом году я засолила такие огурчики – пальчики оближешь! Ядреные, хрустящие… Ну, оставляю вас, мои хорошие, – скороговоркой закончила женщина, когда в столовую вошел Волошин.

Домработница ушла, а я себя поймала на мысли, что каждый раз при появлении этого мужчины испытываю страх. Вот и сейчас его взгляд заставил меня мерзнуть.

Ничего по поводу моего внешнего вида Волошин не сказал. Но осмотрел меня внимательно. И кажется, от него не укрылись мои босые ступни, что и подтвердила его первая за сегодняшний вечер фраза.

– У тебя нет туфлей?

– К этому платью нет, – уткнулась я взглядом в тарелку.

Не могла смотреть в его глаза! Совершенно не понимала, о чем он может думать. Вот уж чья душа точно потемки. И он же сам велел мне не брать вещи из дома. Где же последовательность?

– Завтра купишь себе все необходимое из вещей, – проговорил Волошин, снимая крышку с горячего. – А сейчас ешь!

Я молча послушалась и положила на свою тарелку ложку салата.

– В чем дело? Ты не голодна? – снова тишину столовой прорезал недовольный голос Волошина.

– Мы с водителем заезжали на обед в кафе…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/emeral-d_stella/stroptivaya-devstvennica

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить